

Холодное солнце теплой зимы

Category: Kitapcy, Romanlar

написано kitapcy | 24 января, 2025

Холодное солнце теплой зимы ХОЛОДНОЕ СОЛНЦЕ ТЕПЛОЙ ЗИМЫ

Мы представляем начальные главы романа “Холодное солнце теплой зимы” любезно предоставленные нам автором. Больше о новом произведении Йосси Кински читайте в “Книжных новинках”.

- Очи чёрные

Струи морского воздуха обдували раскалённый песок. По нему, обжигая ноги, козочками бегали купающиеся гражданки. Крики чаек и удары волн создавали атмосферу свободной безмятежности и праздности. Толстопузые отцы семейств спали на шезлонгах, накрывшись кто «Комсомолкой», а кто и «Огоньком». Другие представители сильного пола сосредоточенно «забивали козла», устроившись под зонтиками, пока их прекрасные половины поджаривали на солнышке свои округлые бока. Всевозможная ребятня весело возилась среди этого муравейника, перескакивая через лежащих и сидящих, жующих и читающих граждан.

Пёстрый пляж незаметно переходил в такую же разноликую набережную. Под акациями гуляли разноцветные люди, которых легко можно было разделить на три группы. Первая часть отдыхающих, бронзовая от загара, вышагивала мерно и не торопясь. Она точно знала, куда идёт, и по этой размеренной вальяжности можно было угадать давно отдыхающих и даже уставших от этого отдыха граждан. Вторую группу составляли красные, как раки, от первого загара люди, которые, двигаясь чуть быстрее первых, иногда останавливались и спрашивали у бывалых дорогу. В третьей группе были граждане бледно-синюшного цвета, которые быстрыми зигзагами перебежали от одного места к другому, восторженно стараясь в первый же день всё разузнать и охватить. Они с завистью смотрели на первую группу и посмеивались над второй.

«Ты не плачь, мой друг, что розы вянут.
Они утром снова расцветут.
А ты плачь, что годы молодые
Ведь к тебе обратно не придут».

Мелодия незатейливой песни под аккомпанемент гармони и бубна разливалась по набережной, и только у прибрежной кафешки её заглушали голоса дуэта, поющего из динамиков про вернисаж.

В парке, окружённый праздной толпой, в красивой позе, с кисточкой в руках стоял уличный художник. Он выводил на холсте какую-то особенно трудную линию, призванную быть началом очередного шедевра, которые во множестве валялись тут же на столе и продавались по три рубля за штуку. Умилённо сложив домиком тонкие брови, художник полностью отдавался работе, и лишь вопрос о цене иногда выдёргивал его из этого одухотворённого состояния. Эдуард, относящийся к третьей группе туристов и пока только жадно ловивший всем телом солнечные лучи, сложным манёвром рассёк толпу гуляющих и неожиданно даже для самого себя оказался около художника. Обведя быстрым взглядом работы, Эдуард хотел было уже уйти, но тут заметил небольшой рисунок, лежащий на самом краю стола. Это был даже не рисунок, а небольшой набросок карандашом грациозной кобылы тёмной масти. Гордый стан, большие глаза, белые зубы, непокорная волнистая грива говорили о чистой крови лошади. Её тонкая спина была изящно выгнута, завораживая красотой линий и изгибов.

В тот момент Эдуард даже не мог представить, как круто повернёт его жизнь этот маленький, нарисованный на скорую руку рисунок.

– Нравится? – спросил спустившийся с небес художник.

– Да, очень! Просто великолепно. Я обожаю лошадей. Готов на них смотреть и говорить об этих прекрасных созданиях всё время. Они так грациозны...

– Вы жокей?

– Я? Ну что вы? Нет. Я всего лишь директор магазина.

- В наше дефицитное время слово «всего лишь» к должности директора магазина не подходит, – подметил художник, улыбаясь.
- Ну, я не жалею. Но всё равно, материальные блага меркнут перед этим, – и Эдуард указал на рисунок.
- На самом деле я рисовал её с натуры, – смущённо заметил художник.
- В самом деле? И где же? Интересно было бы взглянуть на неё, – оживился Эдуард.
- Для этого далеко ходить не надо. Вот она стоит.

И художник махнул кисточкой куда-то в сторону многочисленной толпы.

Её невозможно было не узнать. Это была очень красивая молодая цыганка с вьющимися локонами густых чёрных волос, на которых игриво поблескивало полуденное солнце. Непокорная чёлка чуть прикрывала большие тёмные глаза, в которых поселились задорные смешинки. Белоснежная улыбка, точёные линии бёдер, лёгкие движения дополняли сходство с красивой лошадью благородных кровей. Она, улыбаясь совершенно детской улыбкой, протягивала прохожим билетки счастья, которые вытаскивал из коробки зелёный попугай, сидящий у неё на плече. Стоя на углу парка, где заворачивала дорожка, она своим сиянием затмевала безликую толпу. По крайней мере, в тот момент так казалось Эдуарду.

«Действительно похожа!» – подумал Эдуард, вновь переведя взгляд на рисунок.

Ему вдруг стало грустно. Грустно ему становилось всякий раз, когда он видел молодую девушку и понимал, какая пропасть лет между ними. Робкий и застенчивый по природе, он так и не научился обращаться с женщинами. Стоило ему заговорить с представительницей противоположного пола, как он наливался пунцовой краской и начинал спотыкаться на каждом слове, по пять раз повторяя одно и то же. Эдуард очень страдал от этой своей особенности. Когда же он научился владеть собой, разговаривая преимущественно с женским персоналом своего универсама, оказалось, что теперь уже поздно и он безнадежно

постарел. Единственной женщиной, рядом с которой ему было просто и спокойно, была его мама – Любовь Александровна.

Любовь Александровна была из тех матерей, которые свято считают, что в жизни их детей ничто не имеет права происходить без их ведома. Её всеобъемлющая, бьющая через край материнская любовь приковала сына к пышной юбке, за которой тот нашёл своё тёплое местечко в жизни. Любовь Александровна твёрдо верила, что её Эдик если и не гений, то почти гений, а не согласиться с этим, по её мнению, мог только идиот. По своей природе она была мягкой и добродушной женщиной, но если дело касалось её ненаглядного Эдика, Любовь Александровна готова была начать атомную войну, лишь бы защитить своего сыночка и сберечь его честь для недостойного человечества.

Две недели назад Любовь Александровна пришла к неутешительному выводу, что её сын бледен. Навскидку вспомнив парочку страшных диагнозов, вычитанных из медицинских журналов, она, взяв сына под мышку, потащилась по врачам. После осмотра у первого врача Любовь Александровна осталась крайне недовольна, потому что тот нашёл её сына абсолютно здоровым. Не стесняясь в выражениях, высказав всё, что она думает про закоснелую советскую медицину, Любовь Александровна назвала доктора медицинских наук шарлатаном и повела отпрыска к другому светилу науки. Следующий доктор, который, по своему несчастью, слыл в глазах Любви Александровны умным врачом, подтвердил отменное здоровье Эдуарда, чем вызвал очередную порцию разоблачений в адрес многострадальной медицины. В этот раз разгневанная мать при оценке врача ограничилась клеймом «неуч». Третий врач, который принял Любовь Александровну и её сына, уже был предупреждён о воинственности женщины и её бескомпромиссном желании во чтобы то ни стало отыскать таинственную болезнь, мучившую её сына. После осмотра врач поцокал языком и, сделав озабоченное лицо, сообщил ошеломлённой Любви Александровне, что у её сына прогрессирующий «*Syndromum fatigatio*». Эффект от этой новости получился странным. Вместо того чтобы взволноваться за

здоровье горячо любимого сына, мать обрадовалась и потом долго жала руку доктору. Внимательно выслушав врачебные предписания, Любовь Александровна сказала, что всегда доверяла отечественной медицине и, сделав подобающее случаю скорбное лицо, вышла из кабинета.

Страшный диагноз «*Syndromum fatigatio*», который поставил врач, на латыни означал лишь небольшую усталость. Больному были выписаны витамины и отдых на свежем воздухе. После покупки витаминов встал вопрос о санатории. Они посоветовались, и мать решила, что лучше всего поправлять здоровье под южным сочинским солнцем, и уже через два часа ехала домой с двумя билетами на поезд. Но тут в дело вмешалась судьба: у Любви Александровны умерла дальняя родственница, на похоронах которой нужно было обязательно отметить. После долгих колебаний мать скрепя сердце отпустила сына в санаторий одного, и, к пущей радости Эдуарда, не грозилась приехать и проведать. Так, может быть, впервые в жизни Эдуард оказался предоставлен самому себе. Чувство свободы дурманило. У него было такое ощущение, какое бывает у зэка, выбежавшего за колючую проволоку. Вдыхая курортный воздух полной грудью, Эдуард наслаждался тем, что можно было не чистить зубы по вечерам и не мыть руки перед обедом...

– Так вы берёте её? – Вопрос художника вывел Эдуарда из задумчивости.

– Кого? – удивился Эдуард.

– Лошадь, говорю, берёте?

Только теперь Эдуард понял, что держит рисунок в вытянутой руке, словно бы сверяясь с оригиналом.

– Ах да, конечно, беру. Сколько я вам должен?

– Рубль.

Эдуард торопливо расплатился с художником и направился к цыганке. На полпути он остановился и ещё раз окинул взглядом стройный стан девушки, подчёркнутый милыми оборками платья на

тонкой талии. Поморщившись от очередного приступа комплекса неполноценности, Эдуард глубоко вздохнул и решительно пошёл на встречу со своей судьбой.

– Граждане отдыхающие! Не проходим мимо! Попугай гадает всем на счастье! Подходите и узнайте, что вас ждёт!

Эдуард сделал вид, что проходил мимо, и, замедлив шаг, обернулся к цыганке.

– Попугай и вправду счастье мне принесёт? – сказал он заготовленную фразу.

– Мой попугайчик ещё никому плохого не нагадал, – очаровательно улыбнулась цыганка.

– Ну, я не сомневаюсь. Просто я всегда думал, что это аисты приносят счастье.

«И почему именно аисты должны приносить счастье? Почему я сказал такую чушь? – Эдуард задумался о запутанной логической цепочке, сгенерированной собственным мозгом. – Ах, да... Аисты же приносят детей, а дети – это счастье».

– И сколько раз аисты вас уже порадовали? – легко разгадала сложную для Эдуарда метафору цыганка.

– Пока ни разу. Как-то не сложилось ещё.

– Ай-ай-ай, яхонтовый мой! Годков-то тебе уже много, пора задуматься о семье. Дай я тебе по руке погадаю. Всё скажу, как было, как будет.

Эдуард протянул предательски запотевшую ладонь.

– Вижу, ты одинок на этом свете... – задумчиво произнесла девушка.

– Ну почему же одинок? У меня есть мама.

– Не перебивай. Я вижу совсем другое одиночество. Но тебя ждёт встреча с женщиной...

– Да-да, знаю. Мы полюбим друг друга, поженимся и будем жить долго и счастливо, – вслух завершил классическое пророчество Эдуард.

– Нет.

Эдуард с удивлением посмотрел на гадалку:

– То есть мы не будем жить долго и счастливо?

– Я вижу пламя... – тем временем «страшным» голосом вещала цыганка.

– Что за пламя? Ох!.. не пугайте меня, гражданка. Может, это пламя любви? – с надеждой заглядывая в глаза девушки, спросил Эдуард.

Цыганка отпустила руку Эдуарда и с интересом заглянула ему в глаза:

– Может, и пламя любви.

Эдуард наигранно выдохнул:

– Ясно всё с вами. Сколько я должен?

– А сколько не жалко?

Эдуард протянул «трёшку», и цыганка, одарив Эдуарда лучезарной улыбкой, спрятала деньги куда-то в многочисленные складки пышного платья. Нужно было уходить. Стоять и глупо пялиться на красавицу становилось неловко.

– Ну, я пошёл... – указал через плечо направление предполагаемого ухода Эдуард.

– Рада была помочь, – ответила цыганка и переключилась на других гуляющих.

Уходить не хотелось. Хотелось стоять и просто смотреть на девушку, любясь её красотой. В её больших глазах отражался мир, который всегда был так далёк от Эдуарда. Любовь, ревность, страсть – понятия, без которых невозможно было представить жизнь смертного – каким-то странным, несправедливым образом всегда обходили его стороной. Он ясно понял, что тридцать лет его пресной жизни с лёгкостью можно было обменять на один-единственный день любви этой богини. Эдуард стоял и чувствовал, как что-то внутри него выходит из

глубокого анабиоза. Это что-то, большое и тёплое, пробивало скорлупу забвения и начинало светиться, заполняя сердце непонятной радостью. И по мере того как внутри светлело, весь остальной мир становился маленьким, суетливым фоном, который лишь мягко оттенял причину этого сияния.

Причина сияния тем временем стояла на прежнем месте и бойко торговала счастьем. Зелёный попугай деловито достал очередную карточку и, получив за это кусочек яблока, как-то осуждающе глянул на Эдуарда. Под тяжестью птичьего взгляда Эдуард вздрогнул и, примятый к грешной земле своими глобальными душевными переменами, поплёлся на пляж.

Если Сочи – это тоже «жемчужина у моря», то его пляжи – скопища человеческого планктона, каждый год мигрирующего к этим берегам. Прибывая в несметных количествах, они заполняют собой каждый квадратный метр тёплого песчаного пляжа, не говоря уже о шезлонгах и коронных местах под зонтиками. Копшащаяся, гомонящая, постоянно передвигающаяся внутри себя система людей, объединённая общей высокой идеей под названием «поехать на юга».

Эдуард, думая о своём, ступил на территорию пляжа и тут же влился в гущу полураздетой толпы. Дорога до воды по пересечённой телами местности заняла четыре минуты, в течение которых были придавлены две лодыжки, один указательный палец и цветастая панاما, оказавшаяся чьей-то головой. Дойдя до воды, Эдуард оглянулся в поисках хотя бы ста кубических сантиметров пустого пространства. Такое пространство было найдено на дальней оконечности пляжа рядом с волнорезом. Начался тернистый путь в сторону намеченного места. Оказавшись у волнореза, Эдуард снял с себя одежду и лёг лицом к солнцу, почувствовав при этом, как тёплые камешки приятно захрустели под его спиной. Надев солнечные очки, мужчина самозабвенно захрапел. Проснувшись через час, он с удивлением заметил, что его передняя часть стремительно ворвалась во вторую зачётную группу отдыхающих – «красных как раки», в то время как задняя часть продолжала прозябать в третьей, «бледно-синюшной». Решив

подтянуть отстающую часть к общему знаменателю, Эдуард перевернулся и подставил под ещё высокое солнце запотевшую спину. В этот ответственный момент кто-то бесцеремонно встал между ним и вечным светилом.

– Молодой человек, не могли бы вы отойти и не заслонять мне солнце? – вежливо обратился к мужскому силуэту Эдуард.

Стоящий перед ним мужчина сделал шаг в сторону и уселся на песок. Только теперь Эдуарду удалось разглядеть этого человека. Рядом с ним на песке сидел сошедший с неба древнегреческий бог. Бог чего именно, сейчас Эдуарду было бы трудно сказать, но его античная внешность вызывала в памяти картинки из «Илиады». Тем временем бог, мило улыбаясь, смотрел на Эдуарда своими серыми глазами. Его идеально правильную голову обрамляли идеально вьющиеся одинаковыми колечками волнистые волосы, ниспадающие на широкие плечи. Под бронзовой загорелой кожей бугрились стальные мускулы. Кубики пресса будто были сложены профессиональным каменщиком в четвёртом поколении. Особенную мужественность внешности добавляли мелкие кольца волос на груди, которые равномерно покрывали её от ключицы до ключицы, а затем аккуратной стрелкой направлялись к пупку. Рука Эдуарда вдруг сама потянулась к собственной груди, где у него тоже росли волосы.

– Извините, я вас не заметил, – сказал незнакомец, и почему-то Эдуарда это не удивило.

– Дааа, людей-то сколько! Не протолкнуться... – продолжил мужчина. – В прошлом году здесь было народу намного меньше.

– Да, прямо вавилонское столпотворение! – решил блеснуть хотя бы кругозором Эдуард.

– Вавилонское что? – спросил греческий бог.

Это была маленькая, но всё-таки победа.

– Столпотворение... Есть такой миф... Аааа, не важно, – небрежно закончил Эдуард, махнув рукой.

– Меня зовут Павел. Будем знакомы.

- Я Эдуард. – Они пожали друг другу руки.
- В прошлом году здесь было меньше народу, – повторил Павел, посмотрев на копошащуюся на пляже массу.
- А вы каждый год сюда приезжаете? – спросил Эдуард.
- Второй год.
- Счастливый человек. Можете себе позволить приехать и отдохнуть.
- А я не отдыхать сюда приезжаю – работать.
- Да? И где вы работаете?
- В цирке. Наше шапито каждое лето даёт концерты в Сочи, – буднично ответил Павел.
- Надо же! Очень интересно. Я люблю цирк.
- А кто его не любит? Мы, граждане Советского Союза, должны любить цирк. Ведь все в нём живём.

Откуда-то сверху, где начинался волнорез, мужской голос позвал Павла.

- Ну вот. Нелёгкая его принесла. Только вышел отдохнуть! – недовольно пробурчал древнегреческий бог Павел. – Делать нечего, нужно идти. Приходите к нам на представление. Наш шатёр раскинулся на пустыре недалеко отсюда.
- Спасибо за приглашение. Обязательно загляну, – пообещал Эдуард.

Санаторий «Электроника», в котором поселился Эдуард, был совсем новеньким. В коридорах ещё ощущался запах краски и древесного лака, а в большом парке санатория иногда попадались скамейки с табличками «Осторожно, окрашено!». Современное многоэтажное здание гордо возвышалось над мысом Видный и сияло белыми боками. К услугам отдыхающих здесь были трёхразовое питание, киноконцертный зал, библиотека, летнее кафе, обеденный зал, зал лечебной физкультуры, а также, как прочитал Эдуард в брошюрке, «всевозможные услуги внимательных врачей». Особенной гордостью этого санатория была его новая современная методика лечения ангиологических больных с использованием гипербарической оксигенации. Из-за совершенной новизны не

каждый лечащий врач мог с первого раза выговорить название метода, но обязательно считал своим долгом вернуть в разговор эту высокую терминологию, даже если лечил геморрой. Кроме того, в санаторий завозили замечательную адлерскую иловую грязь и с каждой информационной доски настойчиво призывали к посещению электрофореза с использованием этой животворящей субстанции. Обещали возвращение утраченных сил и молодости.

Вечерело. Лучи морского заката окрасили номер в насыщенный оранжевый свет, который плескался на стенах, словно вступая в последнюю борьбу с темнотой. Приближалась чарующая южная ночь, наполненная стрекотанием сверчков и шелестом прибрежных волн. Свежий ветерок, играя занавеской, доносил с улицы запах моря и распустившихся магнолий. Крики чаек постепенно смолкали, уступая место трелям соловьёв, которые своим пением нежно убаюкивали счастливых отдыхающих.

Эдуарду было не до сна. Он лежал в своём номере и смотрел в потолок. Там, в кружевных тенях, отбрасываемых занавеской, разыгрывался спектакль прожитого дня. Главным героем был он сам, а его дамой сердца была молодая цыганка. Девушка пришла на пляж, чтобы окунуться в море. Воображение Эдуарда нарисовало, как цыганка лёгким движением сняла с себя платье, оставшись в пикантном купальнике, и, качая бёдрами, вошла в воду. Но что это? Она кричит и просит о помощи! Боже, она тонет! Все вокруг стали суетиться и бегать, но, конечно, никто не решался помочь бедной девушке. И тут на пляж въезжает сам Эдуард на белом коне. Его тело подтянуто и мускулисто, удивительно напоминает торс Павла. Откуда-то сверху играет бравурная мелодия. Сцена с конём вышла слишком одиозной, поэтому Эдуард решил переиграть и в следующий раз появился на пляже без коня. Мелодия исчезла. Он, сверкая накачанными икрами, в два прыжка оказался в воде и стремительно поплыл к тонущей девушке. Через мгновение Эдуард уже держал на руках обессиленную, но благодарную даму и, красиво блестя мокрыми плечами, выходил из воды. На них были устремлены восхищённые взгляды всего пляжа. Слышались возгласы «браво!» и «ура!».

– Что за чёрт! Никак не могу забыть её. Постоянно думаю об этой цыганке, – проговорил вслух Эдуард. – Милая, юная, очаровательная... она как будто из другого мира.

Эдуард достал рисунок, обнял его и перевернулся на бок.

Наступил следующий день. Рано утром Эдуард уже стоял неподалёку от места первой встречи с девушкой. В его грустных глазах отражался пустой пяточок, на котором, по идее, должна была стоять цыганка. Целый день Эдуард прохаживался по парку, занимая себя привычными развлечениями отдыхающих. Он по десять раз подходил к торговцам всевозможными сувенирами, так что в конце концов становилось неудобно и приходилось что-то покупать. Итогом прогулки стало то, что к вечеру у него собралась приличная куча всякого барахла. Эдуард даже предпринимал попытки подходить к прохожим с ненавязчивым вопросом: «А где тут можно погадать по руке?» – но и это не принесло успеха. В конце концов всё закончилось тем, что в восьмом часу вечера, чувствуя в ногах нестерпимый гул, Эдуард поднялся в свой номер и забылся тревожным сном.

Следующим утром Эдуард, держа в руках книжку и старательно обходя лавки с сувенирами, снова брёл по парку. Он шёл по тому же маршруту с прежней надеждой. Вдруг в глубине парка он увидел её. Казалось, с того самого дня, как Эдуард в первый раз повстречал цыганку, прошла всего пара часов. Девушка так же стояла на привычном месте и, так же улыбаясь, предлагала всем желающим вытянуть счастливый билетик. Сердце мужчины бешено заколотилось. Слюна куда-то пропала, и стало трудно ворочать языком. Не сводя глаз с цыганки, Эдуард купил стакан газировки и залпом выпил. Чуть успокоившись, он решился подойти.

– Добрый день, – глупо улыбаясь, поздоровался он.

– Здравствуй, яхонтовый мой. Тебе билетик вытащить или по руке погадать?

– Нет-нет. На этот раз моя очередь доставать билетики.

С этими словами, будто заправский волшебник, Эдуард вытащил из кармана два разноцветных билетика.

– Вот. Это билеты в цирк. И... я вас приглашаю, – сказал Эдуард и густо покраснел.

– Меня?! – недоумённо подняла правую бровь цыганка.

– А что тут такого? Может мужчина пригласить женщину в цирк?

– Может. Если женщина свободна.

Действительно. А почему, собственно, она должна была быть свободной? С чего вообще он решил, что она должна была всю жизнь ждать только его? Самообладание покинуло Эдуарда, и к нему вернулась его треклятая особенность.

– К-к-к-какой же я и-и-и-идиот! Иии-идиот. П-простите, ради... ради... бога. Я п-почему-то не подумал о-о-об этом. Вот д-дурья башка!.. Ну конечно же, т-такая к-к-красивая девушка не-не может быть с-с-свободна. У н-неё обязательно до-до-должен быть м-м-муж.

Цыганка звонко рассмеялась:

– Да, я не свободна, но я не говорила, что я замужем.

– Т-т-тогда я ничего не-не понимаю. Это как?

– Это так. Я работаю сейчас. Поэтому и не свободна.

– В-вот оно что? А я-то подумал... Ну, это не проблема.

– Как это не проблема? Может, это вам, москвичам, не проблема, а мы должны работать каждый день, чтоб прокормиться, – вздохнув, сказала цыганка и посмотрела в глаза Эдуарду.

– Сколько вы зарабатываете в день? – уверенно, без запинки выговорил Эдуард и почувствовал, что снова на коне.

– По-разному. Бывает, и десять рублей, а бывает совсем ничего.

Эдуард достал из бумажника двадцать рублей и протянул цыганке:

– Вот, считайте, что сегодня вы отработали.

Цыганка сразу взяла деньги и спрятала их в том же непонятном месте в складках юбки.

– А что это за книжка у тебя в руках? – сразу сменив тему разговора, спросила она.

– Не знаю. Думал, что опять придётся прождать вас весь день. Решил занять себя чем-нибудь.

Цыганка взяла у Эдуарда книгу.

– А ты меня ждал?

– Ждал. Вчера весь день ждал. Честное слово! – почему-то стал клясться Эдуард.

Цыганка открыла книгу и стала вслух читать первый попавшийся абзац:

«Ёжик сказал медвежонку:

– Как всё-таки хорошо, что мы друг у друга есть!

Медвежонок кивнул.

– Ты только представь себе: меня нет, ты сидишь один и поговорить не с кем.

– А ты где?

– А меня нет.

– Так не бывает.

– Я тоже так думаю, – сказал Ёжик. – Но вдруг вот – меня совсем нет. Ты один. Ну что ты будешь делать?

– Пойду к тебе.

– Вот глупый! Меня же нет.

– Тогда ты сидишь на реке и смотришь на месяц.

– И на реке нет.

– Тогда ты пошёл куда-нибудь и ещё не вернулся. Я побегу, обшарю весь лес и тебя найду!

– Нет, – сказал Ёжик. – Меня ни капельки нет. Понимаешь?

– Что ты ко мне пристал? – рассердился медвежонок. – Если тебя нет, то и меня нет. Понял?»

Эдуард, слушая её обворожительный голосок, подумал: «Странно. Вчера ночью я думал так же, как этот медвежонок».

Цыганка подняла взгляд на Эдуарда. Тот чуть не потерял дар речи, когда локон её чёлки откинулся с глаз и на него уставились два огромных смоляных озера, окаймлённые длинными пушистыми ресницами. В горле у Эдуарда снова запершило, и стало нестерпимо душно.

– Всё-таки сложная штука жизнь, – выдавил из себя Эдуард. – Вот вчера у меня было одно маленькое желание: увидеть вас. Но когда вы не пришли, это желание превратилась в большую мечту. И сегодня она исполнилась.

Цыганка нежно улыбнулась:

– Ты такой смешной.

Наступило неловкое молчание, и чтобы как-то заполнить пустоту, Эдуард спросил:

– А что вы любите читать?

– А всё подряд. Что попадётся под руку, то и читаю. Хотя школу я не закончила, но читать люблю. Мать в детстве приучила. Говорила, что будешь невежей, замуж никто не возьмёт. Отец, правда, так не думал. А когда мать умерла, отец запретил вообще ходить в школу и отправил работать наравне с братьями.

– Мне очень жаль. У вас, наверное, было тяжёлое детство? – участливо спросил Эдуард.

– У нас все дети начинают работать с ранних лет. Хотя тебе, наверное, этого не понять. Да и что это за работа – стоять с попугаем в парке? Наверное, так всю жизнь и простою. А так хочется иного, как в книжках.

– Да, вы достойны большего.

Цыганка немного задумалась и, кокетливо поправив волосы, сказала:

– А ты хороший... добрый. Ладно, пойду я с тобой в цирк. Но обещай, что не будешь приставать.

Эдуард засмеялся:

- Обещаю.
- Во сколько начало представления?
- В семь часов вечера.
- Тогда жди меня на этом месте в полседьмого, хорошо?
- Хорошо. Да, кстати, я даже не знаю, как вас зовут.
- Как и я тебя.
- Извините, ради бога. Меня зовут Эдуард. Друзья называют Эдик.
- Меня Лилия. Друзья называют... Лиля.

Они рассмеялись, и Эдуард так осмелел, что нежно взял руку цыганки:

- Ну, тогда договорились, Лилия, до вечера.
- До свидания.

«Лилия – как точно иногда имена соответствуют хозяевам!» – думал Эдуард, провожая взглядом цыганку.

Эдуард быстрым шагом направился в свой номер и больше уже не выходил оттуда, занятый важными приготовлениями.

Начал он с того, что гладко выбрился. Бритва скользила по довольному лицу легко и непринуждённо, оставляя за собой блестящую гладкую кожу. Затем он придирчиво просмотрел весь свой гардероб и из четырёх вариантов выбрал лёгкий льняной костюм молочного цвета и белую сорочку, привезённую из поездки в Чехословакию. Тщательно проутюжив одежду, он сразу всё надел и подошёл к зеркалу. В отражении на него смотрел элегантный мужчина в расцвете сил. С этого момента Эдуард старался не садиться, чтобы не помять одежду. Промаявшись в ожидании четыре часа, он вышел на улицу и стал прохаживаться по парку. Ровно в шесть Эдуард уже стоял на условленном месте и готовился к завершающей фазе ожидания.

Через полчаса, вопреки традиционной привычке слабого пола опаздывать, на горизонте показался знакомый силуэт. Озаряя всё вокруг головокружительной улыбкой и словно плывя по мостовой, Лилия приближалась к Эдуарду. На ней было нарядное цветастое

платье, в чёрных кудрях сверкала брошь, а на шее болтались крупные бусы красного цвета. Эдуард непроизвольно зажмурился.

– Ну, как я тебе? – первым делом спросила Лилия.

Девушка явно готовилась к встрече, стараясь понравиться мужчине.

– Вы просто великолепны.

– Спасибо. Я надела своё самое красивое платье. Ну, пойдём, что ли?

Вокруг цирка уже толпился народ и была слышна громкая музыка. Торговцы леденцами и чурчелой яростно атаковали посетителей, стремясь впихнуть им свой товар. Миновав эту разгорячённую толпу и предъявив билеты, Лилия и Эдуард наконец-то оказались внутри огромного шатра. Заняв свои места, они приготовились смотреть представление. Начался концерт, и на арене, сменяя друг друга, стали выступать артисты. Лилия громко смеялась и по-мальчишески свистела в два пальца. Общий дух веселья подхватил Эдуарда и понёс куда-то в неведомые ранее дали заоблачного счастья. Он чувствовал эту черноглазую красотку такой близкой, понятной и открытой, будто бы знал её всю свою жизнь. Оказывается, именно такую он искал – естественную, как ребёнок, и чистую, как ангел. Время незаметно летело. Они сидели рядом, то едва касаясь рук друг друга, то вскакивая с мест, чтобы похлопать. Публика ждала конца представления, когда обычно объявляли «гвоздь программы».

– А сейчас, уважаемая публика, гвоздь сезона! Неподражаемый, отважный и неповторимый повелитель лошадей Тарзан и его волшебные скакуны! Встречайте! – пробасил похожий на пингвина конферансье.

Под гром аплодисментов на арену выбежали роскошные лошади. Вслед за ними, облачённый в кожаный жилет, бриджи и мягкие ичиги, появился Павел. Эдуард сразу узнал своего знакомого древнегреческого бога. В этом экстравагантном одеянии дрессировщик был просто великолепен. Павел умело руководил

лошадьми, которые демонстрировали разные трюки: скакали по кругу, перепрыгивали барьеры, пританцовывали, ходили на задних ногах. Легко вскочив на одну из лошадей, вереницей несущихся по кругу, он выполнил несколько акробатических элементов: стойка на руках, перевороты, прыжки. Публика была в восторге, а Лилия впервые за всё представление притихла. Она стояла и тихо, не отрывая глаз от арены, смотрела номер.

– С вами всё в порядке? Если не нравится, мы можем уйти! – забеспокоился Эдуард.

– Нет-нет, всё нормально... – рассеянно ответила Лилия.

Номер закончился, и дрессировщик под бурные овации увёл своих четвероногих артистов за кулисы.

Выйдя из цирка, Эдуард и Лилия держались за руки и о чём-то оживлённо болтали. Мужчина классическим жестом предложил отужинать вместе, и женщина, так же классически заметив, что уже поздно, согласилась. По дороге в ресторан парочка завернула в тир. Эдуард оказался на редкость метким стрелком и даже выиграл для дамы плюшевого медвежонка. Уже скоро они сидели за уютным столиком на открытой веранде ресторана.

– Когда выступали эти клоуны, я чуть живот не надорвала от смеха. Вот умора! А обезьянки? Ой, они такие смешные! – делилась впечатлениями девушка.

– А мне лошади понравились. Смотря на них, я вспоминал своих лошадей, которые остались в Москве.

Лилия удивилась:

– У тебя есть лошади?

(Продолжение следует)... Romanlar